

В.Г. Моисеева

АЗ: музей и человек

Трудно писать о том, что «само о себе» может рассказать. Зайдите на сайт АЗ¹ – и вы получите представление о формуле его работы. Профессионально. Креативно. Талантливо. Сумма этих слагаемых, помноженная на безусловно личное, не побоюсь сказать, любовное чувство к герою проекта, – это и есть рецепт создания музея нашего времени.

АЗ – музей одного художника, Анатолия Тимофеевича Зверева (1931–1986). АЗ – так он подписывал свои картины: «АЗ – это Я как раз!»

Расположился музей в двух-трех минутах пешим ходом от метро Маяковская: небольшой особнячок на 2-й Тверской-Ямской (20 / 22). Три этажа, три небольших экспозиционных и, одновременно, кинозала. Перед началом показа фильма, рассказывающего о художнике и о музее, ведущая сеанса сослалась на Н.Ф. Федорова, самобытного русского философа рубежа XIX–XX вв., мечтавшего о всеобщем воскресении, которого именуют ро-

дона начальником русского космизма: «Музей есть высшая инстанция, которая должна и может возвращать жизнь, а не отнимать ее»¹. И здесь – в пространстве музея – создатели его сделали все возможное, чтобы состоялась наша встреча с удивительным человеком, художником и поэтом Анатолием Зверевым.

Начало этой встречи – фильм о Звереве, представляющий 100 автопортретов художника. Везде он разный: разные эпохи, разная стилистика, но это не маски, не роли – «...это Я как раз!» Искусствовед Паола Волкова верно, на наш взгляд, охарактеризовала особенность зверевской интерпретации оппозиции «искусство / жизнь»: «В его портретах маски нет – в них он воплощает себя. А в жизни была маска – он был человек-карнавал. Он любил “замесить” карнавал. Гений с магическим кристаллом внутри. Магический кристалл, как известно, – это многоугольник, где ни один угол не равен другому. И зверевские рисунки рождаются с магическим кристаллом внутри, который каждый раз поворачивается новой гранью. Вместе с автопортретами Зверева вы сами каждый раз оказываетесь в другом, новом пространстве»².

Еще один автопортрет художника среди великого их множества – стихотворение «Философ».

Задумчивый, забывчивый,
Утраченный –
затраченный
Испорченный,
затюканный –
Униженный, возвышенный,
прилежный,
бумажный <туманный>
восторженный
и сниженный –
с повышенным, с пониженным
– и сумасшедший чуть...
пробуженный,
и сумрачный
– веселый –
и хмельной
– без радостей – без
вольностей.
без жизни – и с житьем –
под елкою туман<енный>
В тумане мысль –
И все –
В березовой аллеенке –
алеет перед

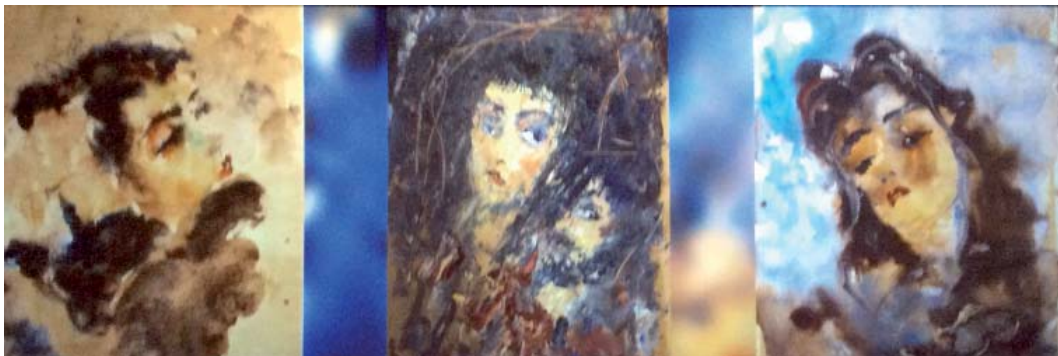
¹ *Фёдоров Н.Ф.* Музей, его смысл и назначение. http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_muzeu.html

² Цитируется по: http://www.museum-az.com/thoughts/stikhi_in/#block3

ним –
восток посреди беленьких
кудрявеньких стволов
Потупив взор на барабан
на поле под ногами
– И грязь на темных сапогах
...любуется бродягами...
1967¹

Масштаб личности и наследия Зверева несоотносим с масштабом выставочного пространства: всего три экспозиционных зала. Но создатели музея, кажется, совершили невозможное: музей художника будет столь же многолик, как он сам. Постоянной экспозиции картин Зверева нет и не будет: музей задуман не просто как хранилище и место презентации его работ, но как повествование о его жизни, творчестве в форме «изосериала»; и, как обещают организаторы музея, «новые серии будут сопровождаться изданием книг, каталогов и альбомов, а выставки-серии одна за другой будут превращаться в кинодокументы, фиксирующие жизнь и развитие Музея АЗ». Темы первых восьми серий уже объявлены:

1-я серия. «АЗ – это Я как раз!» (Автопортрет, портрет)

2-я серия. «А не пойти ли нам в зоопарк?» (Анималистика)

3-я серия. «Садись, детуля, я тебя увековечу!» (Женский портрет)

4-я серия. «Кубики Костаки» (Художники-современники в гостях у Зверева)

5-я серия. «И вы все так пишете, рисуйте, как Малевич...» (Супрематика)

6-я серия. «Когда я рисую снег – я снег...» (Пейзаж, натюрморт)

7-я серия. «Детуля, веди себя прилично!» (Жанр)

8-я серия. «От Апулея до Гоголя» (Иллюстрации к мировой классике)

¹ <http://www.culture.ru/news/51045>

Первая серия – автопортреты, портреты детей, друзей, знакомых и возлюбленной художника Оксаны Асеевой, всех тех, о ком сам Зверев сказал: «Когда я жил? Я никогда не жил, я существовал. Я жил только среди вас...»

В зверевском портрете поражает прежде всего то, что он как будто пишется на ваших глазах, при вашем участии: из хаоса линий и цветовых пятен начинает проявляться лицо, характер, судьба. Испытываешь чувство детской радости от этой сопричастности чуду. Наверное, поэтому вспоминаются строчки песни волшебника из фильма «Обыкновенное чудо»: «Из миража, из ничего, из сумасбродства моего вдруг возникает чей-то лик...». Удивляет и то, как «магический кристалл» художника, о котором говорила Паола Волкова, раскрывает человека. Разглядеть это преображение помогает видеоряд, состоящий из фотографий и портретов одних и тех же людей. В некоторых случаях поражает очевидное внешнее несходство, – но вдруг запечатленный фотографом поворот головы, жест, взгляд помогает в портрете уловить то, что увидел в своей «модели» Зверев и воплотил в своем портрете (портрет, к примеру, Шмельковой, да и немало других, производящих такое же впечатление).

Отдельного разговора заслуживают портреты Оксаны Асеевой, возлюбленной Зверева. Когда они встретились, она, вдова поэта Николая Асеева, была уже весьма пожилой дамой.

Друг Зверева, художник Владимир Немухин, вспоминал: «В период моих первых встреч со Зверевым у него начался роман с вдовой поэта Николая Асеева – Оксаной Михайловной... Он всегда трогательно покупал ей цветы и буквально засыпал письмами. Как-то он остался у меня ночевать... Утром, пока я еще спал, он стал строчить какое-то жуткое количество писем, в каждом из которых

было всего по несколько слов. Он тут же запечатывал их в конверты и просил меня: “Старичок, ты помоги мне все это в ящик попрятать...” И письма все эти были адресованы Асеевой. Мы разносили их по Садовой, Малой Бронной, а на следующий день – все то же самое. Я говорил: “Старик, давай напишем одно длинное письмо. Ведь это ужас какой-то – разносить все это”. В ответ я слышал: “Ты в этом деле ничего не понимаешь”¹. Осмелимся предположить, что множество писем – это необходимость выразить множество нюансов, оттенков чувства, которое вызвано этой любовью, – как и в портретах, где она предстает то юной барышней, то капризной дамой, то нежной красавицей. Многоликость эта абсолютно оправданна: это и есть воплощенная в визуальном образе многоликость любви.

Зверев говорил, что «живопись есть совокупность света и тени, взаимодействующих с цветом, есть сложение цветовой гаммы. Из этого прозаического и получается то, что признают за чудо Божье. Родилась же матушка-живопись из окружающих человека красок природы, особенно из радуги...». Возможно, тайна обаяния зверевской живописи заключается в том, что ему удалось представить на своих полотнах не только результат превращения «прозаического» в «чудо Божье», но поделиться радостью и нас сделать сопричастными этому волшебству.

¹ <http://www.culture.ru/news/51045>